

В.В. Верещагин

**Иллюстрированные
автобиографии нескольких
незамечательных русских
людей**

Издание 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В.В. Верещагин
В11 Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей: Издание 2 / В.В. Верещагин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 172 с.

ISBN 978-5-4241-7317-2

Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей

ISBN 978-5-4241-7317-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

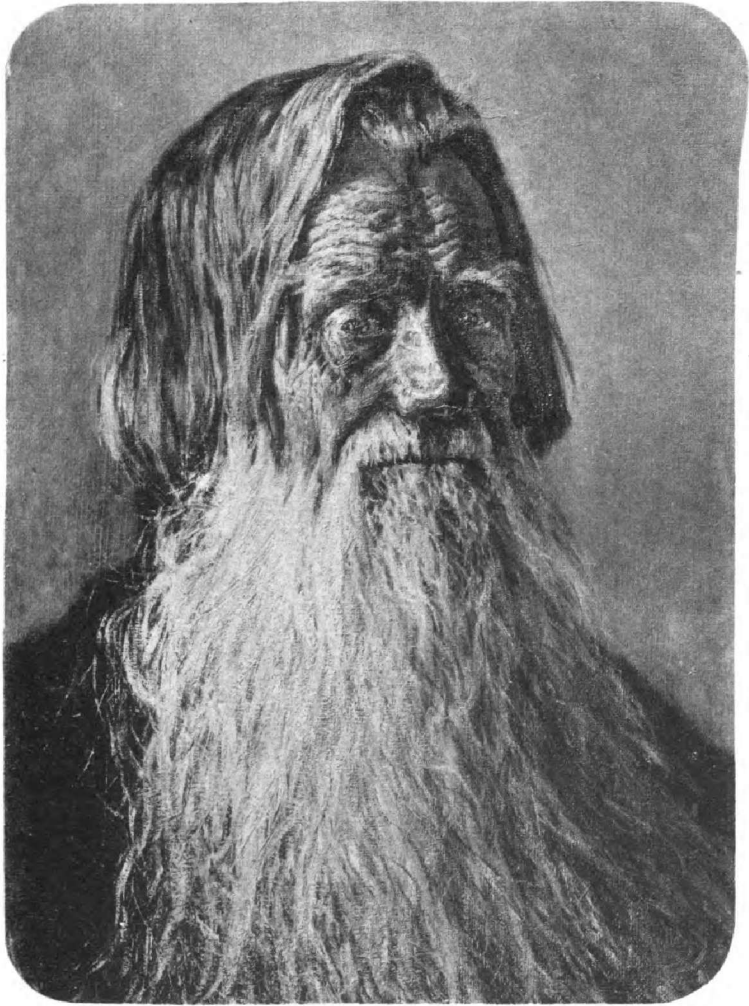
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Автобіографіи незамѣчательныхъ русскихъ людей.

I.

Федоръ Викторовичъ Немировъ.

Мастеровой.

Здѣшной губерніи, Вологодской губерніи, батюшка, изъ самаго города, мѣщанинъ природный, даже цеховыхъ дѣлъ мастеръ, можно назвать — Федоръ Викторовичъ Немировъ, имя и фамилія и отчество. Семья была 5 человѣкъ: 4 брата и одна сестра. Семейство, теперича, примѣрно сказать, кормилось — какъ мой-то отецъ, онъ былъ столяръ, коностасникъ, въ храмы иконостасы дѣлалъ и пропитывалъ тѣмъ семейство.

Старшій братъ былъ образованъ столярному; уѣхалъ въ Петербургъ, позамотался тамъ, значить, не высылалъ родителямъ ничего. Я по этому случаю и отведенъ былъ отъ хозяина, отъ живописца, подсоблять родителямъ.

Когда малолѣтніе были — стручки вороваль: были у насъ кирпичные заводы на полѣ и тутъ горохъ былъ. Рабенковъ десять насъ собралось, кое-кого, воровать. Хозяйка тутъ узнала меня по волосамъ — бѣлые были волосы.

Пришла къ родителю съ жалобой, изъясняться: «что вы, говорить, потакаете своимъ дѣтямъ по чужимъ огородамъ ходить!» Потомъ родителя разсердила она этимъ разговоромъ: «вотъ какъ, говорить, потакаю!» и сталъ сѣчь меня безъ милосердія. Я не столько думалъ о боли отъ розогъ, какъ думалъ, что между ногами у родителя задохнусь, кровь ужъ хлынула у меня. Она послѣ отнимать стала, онъ и ее потолкнулъ: «я, говорить, вотъ какъ умѣю потакать дѣтямъ, чтобы баловали у меня».

И посейчасъ, гдѣ вижу горохъ, сейчасъ въ голову: «вотъ починъ-отъ мой!»

Парень хорошій былъ, жалобы часто были: поколотить кого — это мое дѣло было — съ жалобой ходили, и часто за это меня хлстали, прекращали мою удалъ.

Особенно кутейниковъ не любилъ, — вотъ семинаристы, иначе «семинары», мы все прежде «кутьей» ихъ звали. Здѣсь, изъ семинаріи идутъ, народишко такой вздорный, мы, мѣщане, ихъ не любили. Особенно, вотъ, въ ярмарочное время, было такъ же, какъ будто война была на рѣкѣ, какъ въ родѣ бы такіе кулачные, которая сторона осилить; одна сторона отъ семинаріи, другая отъ рыбныхъ рядовъ; кото-

рая осилить, та и погонить. Полиція слаба была въ тѣ времена. Праздничные дни, мастеровымъ, когда свободно, сначала изъ маленькихъ пойдуть, послѣ и большіе пристануть и они изъ классовъ, отъ чина къ чину выше придуть... Было этихъ глупостейъ, сударь! Долго-то нельзя вѣдь, они начальство имѣли; все больше наши мастеровые брали верхъ и прогонять ихъ, въ семинарію и загонимъ своею - то партіей.

Тутъ въ дѣтствѣ тоже было: отецъ послалъ, «поди, Федюшка, дай подпаскамъ гривенникъ, чтобы изъ лошадей мнѣ волосковъ падергали»; далъ три копейки — для смычка, для скрипки, починивалъ онъ. Гривну я получилъ, мнѣ понравилась она, новенькая еще; подумалъ: не отдамъ подпаскамъ, лучше самъ выдерну — это въ умѣ и держалъ самъ. Увидаль некованого жеребца, стрижку еще, и сталъ дергать изъ хвоста; онъ меня и лягнулъ; аршина два отлетѣлъ отъ его и успѣлъ, вѣдь, выдернуть волосы, только въ колѣно, въ лѣвую ногу онъ попалъ; кабы я дальше стоялъ, убилъ бы меня. И теперь все лѣвая сторона болить, сказывается. Страдалъ, а родителю не повѣдалъ, — онъ бы высѣкъ меня!

У Бориса Егоровича Монахова обучался живописному; семь мѣсяцевъ рисовалъ только азбуку, значить, зѣницы ока; и до всего человѣка вырисовывалъ фигуры карандашомъ, за краски не принимался; послѣдняя фигура оставалась, зады человѣка вырисовать и ее не вырисовалъ.

Отъ Бога не утаишь, теперяче, но отъ васъ могу утаить; однако, хочу я сказать, отчего я сдѣлался столяромъ: у хозяина, теперяче, вышпаклеваны были шесть иконъ, подъ живопись приготовлены были, и я сейчасъ на печку поднялъ эти дски, чтобы онѣ скорѣе сохли, а ихъ и разорвало съ концовъ - то верхковъ около 4-хъ, по стругамъ-то!

Случилось на масленой недѣлѣ. За 90 версть отъ Вологды естя волость Шуйская, гдѣ хозяинъ жилъ. Я увидѣлъ свою бѣду — неизбѣжная гибель отъ хозяина будетъ, попало бы на орѣхи! Никому не сказалъ и сейчасъ сходилъ въ одно мѣсто, узналъ, что въ Вологду ѣдутъ, и сталъ просить у хозяина увольнения на масленичной недѣлѣ отпустить меня къ родителямъ, даже поклонился въ ноги, и онъ отпустилъ меня съ удовольствіемъ. Я, значить, собралъ дски съ печки и заставилъ, чтобы никто не видѣлъ этого моего грѣха, и уѣхалъ въ Вологду, въ гости, отпущень былъ. Высѣкли бы меня за такое недосмотрѣніе, на такой жарѣ поставить!

Пріѣзжаю домой, родители заплакали и тотъ и другой, не выдаючи семь мѣсяцевъ. Мать покойная, теперяче, говорить отцу: «Викторъ, ты, вѣдь, пропитывалъ семейство! Одинъ сынъ замотался, по міру не пустилъ; мнѣ жаль его отпустить, пускай дома работаетъ?» Отецъ согласился, а я давай стараться помогать ему. Слѣдовало бы мнѣ задницу высѣчь, а не только что оставлять дома. Прекраснѣйшій былъ хозяинъ, а взнудили эти дски.

Когда, значить, нужно было, я краски приготавливалъ, теръ на плитѣ: кронъ, киноваръ, шихирвейсъ и берлинскую лазурь, винцейскую ярь, слоновую кость, ржевскій баканъ—какихъ только колеровъ не требовалось, всѣ приготавливалъ — полукарминъ и карминъ теръ. Ультрамарину только не имѣлъ въ рукахъ и не знаю до сихъ поръ, этого не держалъ въ рукахъ—называли дороже золота его! здѣсь и не было въ тѣ времена.

А кость сами жгли, эти кобылечки самыя отъ студени: бросишь въ печку и потомъ сгорятъ; сверху бѣлое ножикомъ очистишь, эту бѣлизну; тамъ смолевое, совершенно какъ голландская сажа. Конечно, оно твердо въ теркѣ, тереть ее на плитѣ.

Хозяинъ говорилъ: «все единственно, что слоновая кость, что эта; одинъ и тотъ же скоть, ту же кость имѣеть; обманываютъ, говорить, насъ: гдѣ же столько слоновъ натягать, сколько ее идетъ въ Россію!»

Слоновая кость сквозность имѣеть. Вотъ на Іосифѣ Прекрасномъ, когда онъ къ Пентефріевой женѣ въ спальню приходитъ и она хочетъ его въ блудъ ввести и хватаетъ къ себѣ на постель,—эта исторія при мнѣ писалась у Бориса Егоровича и фигуры были верхковъ по 20-ти—и Пентефріева жена, и Іосифъ. Эта самая верхняя одежда у Іосифа-то писалась аглицкой желчью, а свѣта, переломы тушевали слоновой-то костью; а на Пентефріевой женѣ, когда они лежали на постели и обнажены были сосцы, была бѣлая сорочка,—бѣлиломъ или крымъ-шихирвейсомъ.

Слоновая кость не закроешь колеръ,—она большую сквозность имѣетъ; а сажа, напрымѣръ, замараеъ какую хотите краску.

Тоже, помню, въ Духовъ монастырь семейство Спасителя, Предтечу и Божію Матерь писали. Предтеча держалъ голубка въ рукахъ, а Спаситель его беретъ отъ Него, во младенчествѣ—другъ отъ друга. Эта икона при мнѣ была писана.

Какъ, я не знаю, въ нынѣшніе вѣки, а въ прежніе вѣки жалѣли бумаги и карандашей для насъ, мальчишекъ: такъ, возьмешь, настрогаешь лучинокъ и сдѣлаешь, теперяча, въ родѣ карандашей этакихъ, въ тряпку мокрую завернешь и потомъ бросали въ огонь. Сгорить эта мокрая тряпочка и остаются эти самыя головешечки этихъ лучинокъ, онѣ твердыя, какъ въ родѣ карандаша—обчистишь и рисовали имъ. На бумагѣ не ладно нарисуешь, сейчасъ счищаешь—и потребленіе малѣйшее было въ бумагѣ: одинъ листъ существовалъ вмѣсто десяти; не ладно нарисовалъ, сметали уголь, опять на ней же и мараешь. Хозяинъ не только иконы писалъ въ храмы, но и патреты заказывали ему. Давнишнія, теперечныя времена, могу и забыть, а помню, это самое, что Виплоговъ былъ—съ его взялъ три рубля, десять на ассигнаціи за патреть, это мнѣ памятно. При насъ порядились, такъ это въ памяти.

Былъ у хозяина Тюринъ Платонъ Семенычъ, да Ягодииковъ Алексѣй Ивановичъ, мальчикъ былъ, да я;—оба академики были послѣ и оба теперь на пра-

ведномъ пути. Я одинъ остался. Послѣ на того и на другого столярную работу я работалъ.

Значить, работалъ съ отцомъ столярную и иконо-стасную работу, рамы и двери дѣлали въ дома. Мебель ничего не умѣли, мебель я въ Петербургѣ научился дѣлать. Нечаянно встрѣтилъ разъ хозяина на высокой галдареѣ: «Борисъ Егоровичъ, говорю, сдѣлайте божескую милость, возьмите меня, теперяче, какъ есть я у васъ жилъ и теперяче у меня смыслу побольше прежняго», и въ ноги ему поклонился.— «Нѣтъ, ужъ, Федоръ, говорить, скоро ты за ярушками пойдешь, у тебя не тотъ развивъ въ головѣ будетъ!»

Я заплакалъ слезно, пришелъ домой и бросилъ столярную работу, взялся за малярную, — комнаты убирать. Прежнее время по столярному дѣлу жили за два рубля въ мѣсяць, а за три—такъ хорошо, а по малярному—полтора и два цѣлковыхъ въ недѣлю, только на своемъ содержаніи, а содержанія были дешевыя. Вижу, однако, сѣра моя работа, захотѣлось попросвѣтлиться въ Петербургѣ. Отецъ отпустилъ меня. Прежде на извозчикахъ вѣдь, не на машинѣ — въ 19-ый день попалъ отъ Вологды. Ѣхалъ на Мочалы, Сомины, на Тифинь, потомъ Аракчеевское село Грузино, на Шекснѣ, потомъ въ Чудово и въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ по Лиговскому каналу противъ нѣмецкихъ банъ Леонидъ Карловичъ Вороновъ былъ мой хозяинъ. Тоже померъ теперь.

Сначала былъ въ Петербургѣ, теперяче, совер-

шенно что и не зналъ куда идти. Потомъ, Богъ принесъ нашего земляка, и онъ меня по вологжанамъ повелъ, которые хозяйствовали. Взялъ меня хозяинъ нашъ вологодскій, подмастерье, работать, значить, 8 рублей въ мѣсяць; проработалъ у его я полтора года. Работа была простая, я не смѣлъ по хорошей идти; вижу, мнѣ надо у мальчишки спрашивать,—только и зналъ рамы, да двери. Потомъ, теперяче, перешелъ къ Гальпе (французъ) на Невскій проспектъ, въ домъ Калугина, эту работу знающую сталъ дѣлать; попаивалъ водочкою, чтобы показывали бы мнѣ какъ дѣлать мягкую работу по мебели, обойную, вотъ какъ сейчасъ дѣлаютъ, и дошелъ до тѣхъ же самыхъ мастеровъ, теперяче, какъ и прочіе, сталъ равняться.

Поживши тутъ, образовалъ себя, вздумалъ хозяйствовать и взялъ квартиру на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Молина; въ два окошка квартира была. Стала тѣснить меня полиція: зачѣмъ безъ свидѣтельства производишь мастерство, надо правское свидѣтельство взять, а свидѣтельство взять очень дорого было. Значить, я снова и поступилъ къ русскому мастеру, въ родѣ старшаго въ мастерской, и управлялъ 20-ю человѣками, только и зналъ, что расчертить работу и раздать которому что. Въ гостиномъ покупалъ дерево, орѣхъ и красное, сахардинъ—какое тамъ заказано, фанеръ и толстый орѣхъ: это моя все была попечность, и потомъ, три года поживши, и поѣхалъ въ Вологду.